

Кубанский писатель

№ 2

февраль
2010 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

ПАНОРАМА

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России выражает благодарность администрации города Краснодара за предоставление помещений в новом доме по адресу улица Парусная, 20\3.

Переезд офиса писательской организации намечен на начало марта. Внимание! Телефоны и адрес редакции газеты «Кубанский писатель» также изменятся. Подробности читайте в следующем номере.

Поздравляем!

В Москве в Конференц-зале Союза писателей России состоялось вручение премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина за 2009 год. В номинации «Поэзия» лауреатом премии стал поэт Николай Зиновьев за книгу стихов «На кресте». В номинации «Проза» – Виктор Лихоносов за серию художественных очерков «Осень в Тамани». В номинации «События. Подвиги. Люди» за служение русской культуре премия вручена Виктору Захарченко. Специальный диплом «За служение Отечеству» Союза писателей России за просветительскую деятельность, служение слову и литературе присуждён поэту Криктору Мазлумяну.

Н.Зиновьев (справа) и К.Мазлумян

Николай Зиновьев ЕЩЕ РАЗ О СЕБЕ

Есть уголки в людской душе,
Куда заглядывать не надо.
Там среди мрака угли ада
Рассыпаны цветным драже;

Там меркнет Божия лампада,
Там чутко дремлет Вельзевул,
Туда заглядывать не надо.
И горе тем, кто заглянул!

* * *

На западе солнце садится светло,
Восток набухает грозюю.
Дохнула прохлада, притихло село,
И ливень, – как даст! – полосою.

В саду на дорожках взрывает песок,
Сквозь солнце закатное льется...
И кажется, будто рыдает восток,
А запад как будто смеется.

СОБЫТИЕ

Юбилей кубанского кобзаря

Кубань широко отметила 85-летие со дня рождения Ивана Фёдоровича Вараввы, поэта, драматурга, фольклориста, Героя труда Кубани, Народного поэта Адыгеи, лауреата литературной премии Союза писателей России им. А.Твардовского «Василий Тёркин», лауреата краевых премий в области культуры, почётного академика Кубанской Академии культуры и искусства, Почётного гражданина города Краснодара, почётного Атамана Пашковского куреня.

4-го февраля в Краснодарском историко-археологическом музее им. Фелицины открыта экспозиция, посвящённая жизни и творчеству нашего выдающегося земляка. На торжественном открытии о встречах с Иваном Вараввой рассказали кубанские писатели и поэты Любовь Мирошникова, Нелли Василюхина, Людмила Бирюк, Геннадий Пошагаев, Татьяна Соколова, Игорь Ясинский. Запомнилось яркое выступление Нины Гурьевны Тежеровой, которая поведала о своей долгой, плодотворной дружбе с поэтом. В зале присутствовали многочисленные представители творческой интеллигенции, а также школьники и молодежь. Прозвучали стихи Ивана Вараввы в исполнении юных чтецов.

В возложении венков на могилу поэта 5 февраля приняли участие представители краевой и городской администрации, писатели Кубани, библиотекари, творческая интеллигенция.

В краевой юношеской библиотеке им.И.Ф.Вараввы 5 февраля прошли вторые литературные чтения, посвящённые творчеству кубанского кобзаря. Прозвучали доклады филологов, писателей, воспоминания родственников поэта. Особенно эмоциональными были слова внучки Марии: она приехала на юбилей из Америки, где кстати, в Вашингтоне, в библиотеке конгресса, по конкурсному отбору хранится книга её деда «Всадники вьюги». На чтениях в краевой юношеской библиотеке был представлен сборник очерков, рассказов, воспоминаний писателей, композиторов, друзей о Иване Фёдоровиче Варавве «Певец казачьего края».

А затем в Муниципальном органном концертном зале прошёл вечер памяти поэта. В фойе была представлена книжно-иллюстративная предметная выставка «Юность, юность моя! Ты прошла пол-Европы геройски...», подготовленная библиотекарями Краснодарской краевой

юношеской библиотеки. С экрана на сцене смотрел на зрителей, пришедших в зал, Иван Варавва, в лихой кубанской папахе, в казачьей парадной форме. И в словах ведущей вечера Валерии Полтораниной, и приветствиях начальника управления культуры города Т.Н.Рубан, начальника отдела искусств департамента культуры Краснодарского края А.К.Мяги, поэта В.Д.Нестеренко звучало признание таланта и самобытности И.Ф. Вараввы.

В концерте приняли участие образцо-

оркестра прозвучали две части из кантаты «Казачья слава» В.Чернявского на стихи И.Вараввы – «Ярмарка» и «Величальная Кубани». Стихи поэта читали артисты Краснодарского государственного академического театра драмы Алина Кузнецова, Вера Великанова, Арсений Фогелев.

Из выступления на Вараввинских чтениях председателя правления Краснодарского краевого отделения Союза писателей России С.Н. Макаровой

ПОЭЗИЯ ДУХА

Творчество Ивана Вараввы можно смело назвать явлением определяющим нацию. Его стихи – это поэзия духа. В стихах Ивана Вараввы восстаёт Русь Христианская.

*С пустой котомкою по хатам
Пойду в знакомые места:
Подайте милостыню брату
За ради Господа Христа!
Я не ищу ржаного хлеба,
С орлицей звонкие гроши.
Подайте в дар кусочек неба,
Крупицу благодати души!*

Курганы, храмы. Небо и Поле. Это не просто сущее, это духовные высоты, вечные и святые. Поле не только безмятежно зоревое, оно и Поле брани, Поле беды. «Клянёт казак владычество своё и плачет над вчерашней бороздою». Вечное Поле у горизонта смыкается с вечным Небом.

*Что ж ты, синее раздолье,
Душу мне терзаешь?*

«Небо – образ заглавный в отечественном фольклоре, а затем в литературе. Иван Варавва не просто восприимчив этой традиции. Его художественный дар исповедует Небо»

Он пишет:

*Из битвы я прибуду в небеса
Пред чисты очи строгого Иисуса...*

Ныне сбылись слова поэта. И его главный подвиг, за который чтит Кубань своего кобзаря – сбережение крестьянского казачьего мира.

*Воскрешу запорожские дали во ржи,
Закубанские были, казацкие саги...*

вый вокальный ансамбль «Чаровница» им.И.Ф.Вараввы Дома детского творчества Староминского района, руководитель Лариса Варавва; студенты Краснодарского колледжа культуры, народная артистка России Раиса Гончарова и ансамбль «Родник»; Государственный концертный ансамбль «Ивушка» Краснодарской краевой филармонии; Государственный камерный хор, руководитель – народный артист России Вячеслав Яковлев. В финале вечера в исполнении Государственного камерного хора и Государственного эстрадно-симфонического

Поздравляем

28 января в Москве в музее Маяковского прошёл вечер-концерт по итогам Международного поэтического конкурса «Звезда полей 2010», посвящённого памяти Николая Рубцова. На нём состоялось вручение дипломов лауреатам конкурса. Честь открыть поэтическую страничку была предоставлена лауреату этого конкурса поэтессе из города Темрюка Любови Галицкой

Десанка Максимович (Сербия)

Заполнена земля и в ней все страны
Вестями грустными о горестях людских.
В набат ударьте, излечите раны,
Звучит пусть на планете примиренья стих.

Пусть вести будут радостны и чисты,

Довольно слов о бедах, воровстве,
Мошениках и о лжецах речистых,
Пишите о добре и о людском родстве.

Не вынимайте грязь из канавы,
Есть где-то и песок, что золотом блестит.
Воспойте тех, кто и чужую славу
Возносит, восхищаясь, с гордостью на щит.

Пишите иногда, что любите как братьев

Инакомыслящих, иноплеменных, всех!
Что был бы мир без них в большой утрате,
Что к непохожим ненависть есть смертный грех.

Хоть иногда, но напишите это! –
И капля доброты наш мир от зла спасёт.
И миллиарды звёзд нам озарят планету,
И красота растопит ненависти лёд!

(перевод Любови Галицкой)

ВТОРЫЕ ВАРАВВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Поэтическая палитра Ивана Вараввы

М. Солодка

Творчество Ивана Фёдоровича Вараввы богато разнообразием тем, жанров, художественных форм. Лирическая песня, героическая баллада, народная комедия из жизни кубанских казаков начала XIX века – всё органично и ярко, глубоко трогает душу читателя. Легко определяются главные темы его творчества, так как их формировала сама жизнь поэта: это тема родной Кубани, её истории и современной повседневности, и тема Великой Отечественной войны.

Рождённый в казачьей семье, вынужденный в «байде колыбели» под бабкины песни «своей родимой стороны», он навеки усвоил образный песенный строй народного языка. «И эта песня чубатых предков во мне смеялась и жила», – так объясняет поэт источник любви к казачьему фольклору, который взрослым человеком собирал долгие годы. Конечно, он сам задавался вопросом, откуда явилась в жизнь обычного станичного хлопца поэтическая муза? И отвечал в стихах:

*Где начало моё?..
В сердце радужном
Радостной мамы.
В материнских слезах,
На её молчаливых устах.*

А заканчивал мысль, объединив как в не-расторжимое понятие два самых важных начала в человеческой жизни: Мать и Земля: *Моя славная мама,
Как и все беззаветные люди, –
Беспредельна и вечно
Как вечно под солнцем земля.*

Эта кровная, генетическая связь определила особенность, узнаваемость произведений поэта. Земля Кубани – степи, курганы, предания заветной старины о мужестве и доблести казачьей, вольные кони, сильные люди. Вот где источник его вдохновения!

Описания природы в его произведениях красочны, объёмны, сюжетно выстроены так, что вписываются в само мироздание. Это очевидно, если рассмотреть как пример образную систему стихотворения «Степь». Словесно создана картина былинного, беспредельного раздолья. Поэт выстраивает её, как живописец, располагая пейзажные элементы согласно рельефу местности: внизу – ручей, выше – равнина степи, ещё выше – могучие травы, и, наконец, стройные пирамидальные тополя, способные «шевелить» небо, и ветер, поднявший выше тополей молодого орла.

*Даль без края, ширь степная!
У криницы тополя
Шелестят не умолкая,
В небе тучи шевеля.
...Степной горячий ветер
Бросил орлика в зенит.
Степь да степь на белом свете
Дышит зноем и молчит.*

Но степь в поэзии Вараввы не молчит, она звенит спелым колосом, поёт голосами «звонкой речки», птицы «иволги» и – прекрасными стихами автора, которого взрастила и вскормила своим хлебом. А он в её просторе почувствовал связь жизненных стихий: Солнца, Земли, Воды, Неба – огромного космического пространства, в котором существует человек.

От многих современных поэтов Варавву выгодно отличает творческое отношение к языку, естественное словотворчество, не противоречащее языковым правилам. У него река – забурунилась, кущи – бурьянистые, храмы – курганятся, волны – чубарятся, лето – меднозвонное, в окопе – теснота и дымота, конь – черногривец, «зимовейко (пурга) хохочет в лицо», «травница» – трава. Каждое из названных слов рождает неповторимый образ.

Поэт часто использует слова из местного говора, сложившегося после переселения украинских казаков на Кубань в конце XVIII века, что стало одной из этнических особенностей кубанцев. Много таких слов в стихотворениях Вараввы: «вже (уже)», «заграй (заиграй)», «кожушина (тулуп)» и т.д. Они создают неповторимый колорит и отражают участие украинско-языкового элемента в народной культуре сегодняшней Кубани.

Погружаться в его образную систему радостно, потому что всё узнаваемо, но неожиданно. Пример – картина морозной бури, созданная с помощью снежных «копей»:

*И вьюжные кони грызут удила,
Сбивают по свету подковы.*

Сколько в нашем воображении возникает действий: буря рвёт, бьёт, ревёт, неистово закручивает воздух! Но нет в этом поэзии, в отличие от процитированных стихов.

Или поэтическое изображение водопада одновременно как извозчика и как лошадиной упряжи: «Тяжёлые струи в вожжах водопада...». Удивительно работает воображение автора: чуткий читатель может представить себе эти вырывающиеся из рук туго натянутые «вожжи».

Часто самый незначительный, казалось, образ Вараввы превращает в многоговорящий, переводит его от индивидуального смысла – к общему, от сиюминутного – к эпическому:

*На тонкой бадрылке колышет снега
Когтистая чёрная птица.*

Всего лишь множественное число слова «снег» создаёт масштабность, значимость картины, а цвет «когтистой» птицы – вносит в неё трагическую, тревожную ноту.

Неизбывное горе человека поэт может передать одной скупой строчкой: «И голосно и горестно заплакал», – здесь для этого он использовал сочетание общеупотребительного наречия с неологизмом. Такая поэтическая смелость и создаёт дорогу в творчестве лаконичность.

Огромную, непредвиденную молодым сознанием будущего поэта роль сыграла в человеческой и творческой жизни Ивана Вараввы Великая война, которая обрушилась на его Отечество в июне 1941 года. Ему было всего 17 лет, когда на глазах привычный миропорядок мгновенно превратился в прошлое:

*Всё было в жизни у меня:
Свой кров, и дом, и сад.
Моя семья, моя родня –
Во всём свой лад
И склад.*

В испытаниях войны «горели наши лучшие годы», напишет он позже, но в огне рождалось мужество солдата, защитника не только России – всей «планеты Земли», сформировалась и закалилась личность. Здесь же наполнялась новыми особенностями образная система молодого поэта.

Предметный мир теперь воспринимался через военные впечатления. Так небольшой снаряд, бросаемый рукой, превращается в «возмездие», которое воин несёт врагу

«в спрессованном громе гранаты». Солдат перед боем готовит оружие, оснащая его пулями, но они не названы, а «подсказаны» метафорой: «Пять смертей вбиваю я в винтовку, / Сто смертей – в подсумке берегу». А вот по фронтовой дороге движется военная часть с «пушками, машинами, повозками». Это техника, бесчувственный металл, поэту достаточно перечисления. Зато о пехоте, собственными ногами «перемерившей пол-Земли», поэт говорит по-другому: «И пехотные роты / Несут на плечах небосвод». Снова метафора, но такая, что рождает высокий эмоциональный накал, создаёт ощущение значительности момента, возвышенное, романтическое впечатление эпохальных событий.

Действительно, понимаешь и тяжесть их ратной работы (каково нести небо!), и мужество, которое они проявляют.

Война навсегда вошла в сознание молодого поэта и на долгие годы наполнила его как тяжёлыми воспоминаниями, так и чувством гордости за воина-солдата, одолевшего всё и победившего, гордости за свою Родину. К началу XXI века мало их осталось на земле, ратников-освободителей, вышедших мае 1945 года из военной купели. Иван Варавва с горечью сказал о себе в предисловии к авторскому сборнику «Пожары Отечества», который появился в печати в 2001 году: «Я последний поэт Великой войны Отечества». Война и на его теле оставила незабываемые следы, он обещал тем, кто не вернулся: «Я суровую скорбь через годы войны пронесу», – и выполнял обещание всю последующую жизнь.

Проникшись за годы войны переживаниями и образами войны, Варавва стал невольно использовать как художественный приём сравнения с понятиями из военной лексики: «приказа, как штык», «колоски ...звенят, как пули», «мороз грянул... как из пушки-стодюймовки», солдатская песня «зацвела, как сад весенний». Или:

*Текущая речка
Лежит в камышах,
Как шапка с насечкой
В суровых ножнах.*

Он находит наполненные метафорического смысла эпитеты, рисующие и военные пейзажи, и ощущения человека на войне: «солнце закопченное, в дыму», рассвет – «сабельно-свинцовый». военная дорога – «изнурённая», «свисты ветра пулевого», кони (всадники убиты) «свободой сёдланные», «огонь пекучий».

Метафорами поэт пользуется постоянно, они выразительно характеризуют события. Вот умирающий казак, у которого «заря по глазам потекла». Вот походные трубы подняли тревогу: «сигнальные трубы в разливе». В звуках боя слышно, как «пулемёт чечётку дробно выбил». Или такие примеры:

*...дождик-верхолаз
Клевал армейские шинели.
...Пшеницу косят пулемёты...*

Добрые, домашние, мирные понятия (и занятия) воспринимаются как злоеvidence по смыслу происходящих событий.

Создавая картину ночного боя, поэт «оживляет» силы природы, превращая в деятельных участников событий:

*Ночь топтала по полю,
над жестокостью боя сутулась,
И звезду украсила сабли кривой рукоять.*

Конечно, читатель мысленно рисует себе реальную, а не через призму метафоры переданную картину: бойцы вели тяжёлый ночной бой на полевом поле, а звезда – это отблеск на металле, скорее всего, взошедшей луны.

Выразительны строчки, в которых предвещается Победа, не прямо, а метафорически передающие эту мысль:

*Мы вышли из битвы тяжёлой и злой,
В живых оставалось нас мало,
Когда наша юность над Эльбой-рекой
Зарю на штыках колыхала, –*

то есть качала, лелеяла, как малого ребёнка, а «на штыках» – потому что он требовал защиты. Сами ещё юные, ценой огромных потерь, солдаты приближали зарю новой жизни для народов всего мира, зарю, которая уже явственно засветилась на Эльбе, немецкой реке весной 1945 года. Отсюда вышел человеконенавистнический фашизм ещё в 30-е годы, здесь ему и пришёл конец. Именно эту мысль ёмкими словами ярко и романтично передал автор.

Но страшные картины боя Варавва изображает, почти не обращаясь к сложным художественным приёмам, прямо называя факты:

*...В бою горит железо тяжко,
И лопаются в полыми глаза.
...Я запомнил, как танки на танки
идут на таран.
Тихо пятятся задом в смертельной
отчаянной драке,
Подминая убитых, оглохших, ослабших
от ран
Под свои и чужие железа ребристого
траки.*

Стихами отмечен путь воина-поэта, начавшийся от родного порога в станице Староминской на Кубани. Он ставил под ними даты и называл места: станица Пашковская под Краснодаром в августе 1942-го, Горячий Ключ, Хадыженск, Туапсе; в 1943 – станица Крымская («Голубая линия»), Абинск, Новороссийск (Малая Земля), станица Невберджаевская, Кутаис. В 1944 – освобождал Крым, прошёл Румынию, Польшу; в 1945 – Варшава, Венгрия, Берлин.

Какие чувства испытывает солдат, понимая, что конец войны близок? Об этом правдиво, без ложного пафоса рассказал Варавва в стихотворении «Граница с Германией»:

*Пехотинцы кричали,
Стреляли и пели,
Батарейцы –
В туманную роздымь глядели.
Миномётчики –
Каски под ноги бросали,
Автоматчики –
Кущи огнём причесали...
Кто-то бился, крестился,
А кто-то ругался,
Что ему этот жребий тяжёлый
Достался.
И сказал политрук,
В ногу пулею раненый:
– Мы стоим на границе
Фашистской Германии...*

Иван Фёдорович Варавва войну закончил 20-летним поэтом, а после войны 60 лет помнил, осознавал, возмечивал народный подвиг. Тема войны, образы войны волновали его и в мирные дни, вплетались в художественное видение жизни, поэтому возникали такие строчки:

*А поля бескрайние –
Цвета гимнастёрки,
Чистоты зелёных
Воинских погон...*

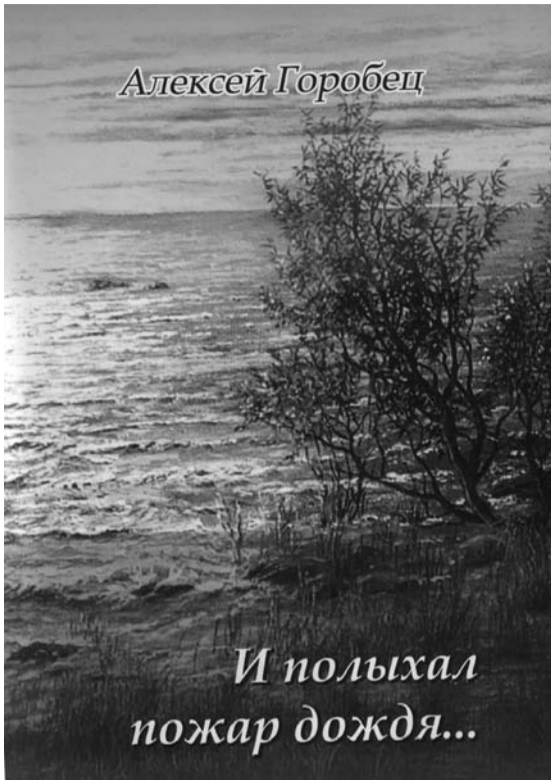
Мы понимаем, не только ради обозначения чистого цвета озимых весенних хлебов приведены «гимнастёрка и погоны», но чтобы одновременно подчеркнуть чистоту помыслов, присущую русскому солдату-воину, защитнику Отечества.

Как логическое завершение этого небольшого исследования о поэзии Вараввы, посвященной в основном двум важнейшим для России темам XX века – Мира и Войны, привожу строчки из стихотворения «Огонь Зееловских высот», которые являются прямым признанием автора в том, что действительно темы эти осознавались им как главные:

*И время взвесь сбивает лиру,
Летит к безвестной стороне:
То ль к заповеданному Миру,
То ль к незапамятной Войне.*

КНИЖНЫЙ МИР

Горобец Алексей Борисович. И полыхал пожар дождя... Стихи. – Краснодар: издательство «Раритеты Кубани». – 2009 г. – 84 стр.

Поэзия Алексея Горобца грустна, но необычно светла. Она мудра и до предела искренна. В новом – десятом – поэтическом сборнике автор остаётся верен столь характерной для него любовной и философской тематике. Помимо новых стихотворений в сборник включены и некоторые стихи из предыдущих изданий.

Шиповник обезумел от весны –
От этих гроз,
От этой влажной страсти!

Но суховеев пыльные ненастья
Свершат своё,
Свирепы и скушны.

И вот –
Цветов запёкшаяся кровь,
Сухой реки разбитое корыто...

Нам доживать – колючим и забытым –
И в прошлое
Стучаться вновь и вновь...

Тая в душе прощённую любовь
И в сердце –
Непрощённую обиду.

На запах слов,
На скрытое звучанье,
На тишину и на размах крыла
Судьба нас изучала, приучала,
Да, видно, так и недопоняла...

И мы пылим дорогами своими,
Не слишком в лес, но всё же по
дрова,
В степную дымь,
В дождливый зной свой синий...

Трава, роса...
Счастливая Россия...
Спасительные русские слова.

Умой слова,
Повычеркни красоты
И удержи – хотя бы до утра! –
Любовь к печали,
Верность справедливости
И тайнопись гусяного пера.

Оставь свою избыточную мудрость
Дождям – и не таи, тем паче, зла
На скарденность и сумрачную скудность
Осеннего усталого тепла.

И наших рук разомкнутые тени,
И память губ, что я не перевозмог –
Калиткой скрипнут, ступят на порог...
И сны твои читая между строк,
Рассудит нас усталый и осенний

Наш Бог любви,
Любви печальный Бог.

Журавль колодезный,
Сухой ветлы распытье,
Плетень, копны колючая постель.
Переплелись в восторженном объёте
Ночная повитель и жаркий хмель.

А наше счастье нас не одолело –
Жизнь поднесла нам горестную чужь:
Всё, чем любовь нас одарила смело,
Ты уберечь,
Сберечь для нас хотела...

Но совместить, конечно, не посмела
Сплетенье тел с антагонизмом душ.

Её искал я три нелёгких дня.
Мы, наконец, друг друга повстречали.
И вот она взглянула на меня
Разбойными холодными очами.

Мы замерли.
И сразу, взрыворот,
Она рванулась – выстрелу навстречу!..
И захрипев,
Свалилась на живот,
Под шерстью напрягая волчи плечи.

Багрилась волчьей яростью земля,
На мёртвых травах слёзы замерзали.

И мир смотрел, ощеряясь, на меня
Моими
Опустевшими глазами...

А жизнь – опасна и строга.
Сохатый почесал рога,
Напряг тяжёлый лоб – и
Вдруг не узнала берега
Парнокопытная нога:
Болота, плавни, топи...

К воде приладилась ольха,
Глухие травы-стены.
И в небо
Он вознёс рога,
И понял я – антенны!

Не знаю, где он пребывал,
В какой такой пустыне,
О чём и с кем он толковал,
Но мой отчаянный сигнал
Он – всё-таки! –
Воспринял!

И – в воду, в топи, напрямик!
А дальше – степь, околки...
О, просветленья миф и миг,
Обломки и осколки!

А я – к себе.
Но не успел.
Куда мне без сноровки!..

И спину мне обжёт прицел
Оптической винтовки...

Не любят их – худых и сирых,
Героев свар и мелких драк.
Пасёт несётая Россия
Бездомных брошенных собак.

Они юлят с улыбкой жалкой
У остановки, где «чипок»,
И кто-то тянется за палкой,
И кто-то бросит им кусок...

И не расслышать,
Не подслушать
Счастливым всхлип собачьих снов,
Где дым и дом, очаг и кров,
И безоглядная любовь,

И в небе страждущие души
Бездомных белых облаков...

Житейские истории: кубанские писатели в моей творческой судьбе
Г.Пошагаев. – Краснодар: Совет.Кубань, 2010. – 144 с.: ил.

Мать умерла, и я попал в детдом... Суровое, но доброе время пережили мои однокашники. Как братья и сестры, были привязаны друг к другу детдомовцы, и это благодаря директору-фронтовику, учителю истории, которого мы все любили. Он и на рыбалку с нами ездил, и в походы ходил, всегда что-то рассказывал о войне и никого в обиду не давал. Переписывался с теми, кого выводили в самостоятельную жизнь, интересовался, кто, как устроился, очень переживал, если в беду попадали. Воспитатели и кухарки скучали по ним, приветы в письмах передавали, наказывали, чтобы не забывали детдом. И отправляли посылки с крупой, с маслом. «Что надо, ребята, пишите и не стесняйтесь!» – каждый раз напоминал директор в конце своих теплых посланий.

Детдома в селе Ванновском, где я рос, как такового больше не существует. И все же по зову души частенько туда навещивался. Веяло запустением и заброшенностью от спальных корпусов и прачечной. Входишь на территорию – и как-то не по себе становится от жуткой тишины. У колодца тополя разрослись, которые мы когда-то сажали, и шорох листьев точно вызывает во мне грустные, сладкие воспоминания. Почему-то до сих пор не выходит из головы Женя Балабан. Мы тогда с нею учились в четвертом классе. Высокая, рыженькая, некрасивая. Но было в ней что-то такое завораживающее, чем-то напоминала мне мать: глаза... как они ласково смотрели на меня, а с каким чутким вниманием Женя относилась к тем, кого обижали... Не знаю, что со мной сотворилось, но я ни одного дня не мог жить без этой девчонки. Я ревновал, если она смеялась и разговаривала с другими ребятами. Я хотел, чтобы Женя только со мной общалась. Страдая тайком, проводил бессонные ночи. А чтобы вырвать из сердца девчонку и не думать о ней, стал почитать книги художественные, увлекся, да так, что сил не было оторваться. Пожалуй, они и спасли меня от отчаяния. В них я находил утешение, было страшно интересно, о чем пишут писатели, и всей душой, конечно, любил книги. Читал много и жадно, они заражали романтикой. В летние каникулы, когда в школе прекращались занятия, мальчишки обходились без одежды и обычно слонялись по двору в трусах и босиком. В таком виде я часто взбирался на старую высокую шелковицу, что росла возле столовой, и, спрятавшись в листьях, радуясь уединению, принимался за чтение книги, взятой в библиотеке. Никто не мешает, ребята и девчонки боятся на территории и у стен корпусов, игры устраивают, а мне здесь хорошо под небом, птички чирикают, одно удовольствие окунуться в захватывающий сюжет.

Все еще не забывается курьезный случай, произошедший со мной. Как-то, отобедав, прихватил я книгу и полез на это самое дерево, замаскировался и погрузился в содержание. Но что-то не захватила она меня, полистал страницы и, заскучав, стал позевывать. Тут подошли ребята к скамье, что находилась под шелковицей, вздумалось им поиграть в карты. Меня они не видели, я притих, сверху наблюдал, с каким азартом шлепали самодельными картами и вскоре горячо расшумелись. Кто проигрывал, тому отвешивали по лбу щелчки. Порою чуть ли не до драки дело доходило, выясняли, кто мухлюет и кто неправильно отбивается...

А тем часом над селом в небе кружил самолет-кукурузник, видимо, с воздуха обрабатывал удобрением поля. И все бы ничего, да монотонный рокот мотора усыплял. Опустив голову, я сонными глазами смотрел на игроков и не заметил, как заснул. Да как грохнулся с дерева, свалился вместе с книгой о головы сорванцов. Это надо было видеть, как они перепугались – вмиг отскочили, разбежались! После выяснилось, оказывается, им всем померещилось, что что-то упало на них с самолета-кукурузника... Посмеялись, нахихикались, только мне одному было не до смеха: из-за вывиха плеча не мог рукой пошевелить. Кто-то сбегал на хоздвор за водой, и меня отвезли в больницу...

Но не это важно, а то, что на этой же шелковице я захлеб потом читал роман кубанского писателя Виктора Николаевича Логинова «Дороги товарищей», книгу интересную, которую затрепали детдомовцы. Ведь автор описывал жизнь молодежи, ее героизм в годы фашистской оккупации, и это было нам, потерявшим родных, близких, безразлично. И мог ли я предположить, что когда-нибудь судьба сведет меня с самим Виктором Николаевичем Логиновым?

В мае 1969 года я был приглашен на семинар молодых литераторов. Обсуждение рукописей проходило в Краснодарском отделении СП по улице Красноармейской. Произошла, можно сказать, моя судьбоносная встреча с Логиновым. Волнуясь и радуясь, я предстал перед писателем. Не верилось, что он и есть автор той известной, полюбившейся детдомовцам книги, которую я читал на дереве!

Виктор Николаевич по-доброму отнесся к моему творчеству, и рассказы, отмеченные им, легли впоследствии в основу первого сборника прозы с названием «Светофоры зеленые», вышедшего в местном издательстве в 1978 году. С тех пор Логинов внимательно следил за моими литературными новинками, подсказывал, давал дельные советы, а главное, верил в меня. И правильно отметил Георгий Ефременков, что Виктор Николаевич при чтке рукописи «никогда не занимался правкой, не вторгался в текст, был бережлив, считал, что писательское слово должно идти к читателю так, как оно легло на бумагу, а следовательно – на душу...»

Логинов, кстати, находил время поговорить со мной не только о творчестве, но и о жизни, о семейном положении, интересовался, в какой обстановке пишу, что мешает сочинительству и нельзя ли уйти с производства и полностью посвятить себя писательству, чтобы совершить прорыв, как в свое время сделал он, сумев написать и издать немало новых книг? К сожалению, я не имел возможности бросить работу и последовать его примеру, тем не менее писать продолжал, пусть и урывками...

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ СРАЖАЛИСЬ ОНИ

«Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они».

А.С.Пушкин.

1

Сколько воды утекло с тех пор, а вот помню, о чём дед Иван рассказывал. Старость ли брала своё, предчувствие скорого расставания, но всё доверительнее был со мною: «Где корабль ни рыщет, а у якоря будет». То поверял о старине глубокой, когда Русь была под игом ордынским, и княжества страдали от вражеских набегов; то поведывал о славной победе 1812 года под Бородино, избавившей Россию от нашествия «двунадесяти языков»; то вспоминал годы недавней борьбы с фашизмом, ставшие звёздным часом духа нашего народа. А то вместо книги сказок снимал с этажерки потёртый фолиант «Задонщины» и, водя пальцем по страницам, читал нараспев. На всю жизнь в мою память врезались отдельные куски древней повести, но особо слова Дмитрия Донского, обращённые к брату Владимиру перед походом на поле Куликово: «Пойдём тамо, укупим животу своему славу, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольём за землю за русскую...»

И однажды, закрыв книгу, дед сказал, что общее горе надо всегда считать и своим, но личную печаль нельзя возносить в степень вселенской. У каждого-де в этом подлунном мире есть свой корень, родник; и коли выпадет горькая минута – припади к нему, испей ключевой водицы, и дух занимается мыслью, плоть воскресает к жизни. И как же невыносимо тяжко, если отцовский корень, подрубленный огненным смерчем свинца на чужбине, стигнул в немереном поле человеческих горестей среди молчаливого скопления омытых дождями сирых костей. Безгласно и мертвенно над не родящим посевом войны: ни слёз, ни воздыханий, ни причитаний, ни теплового тока, исторгнутого из переполненного тоской и тревогой кровного сердца, которое если ещё и живо на исконной русской земле, то по стрелю его помыслов, неприхотливых желаний течёт едва ли не пересыхающий родничок.

И всё же не зря бытует, что река začínается с «копытца коровьего». Вот и жизнь человеческая, сохранив истоки, сплетаясь молодыми корешками, пускает новые побеги, и убывающий род восстанавливается.

За два последних века войны не раз крушили огнём и мечом нашу землю. Однако самые чувствительные рубцы на ней остались после битвы с Наполеоном, пытавшимся поднять Россию Александра и привести Францию к мировому господству, и после сражений с Гитлером, который, как спрут, хотел задушить Россию Сталина в хватательных щупальцах свастики...

И это от деда я впервые услышал, что в далёком Берлине есть Трептов-парк, где захоронен его старший сын, а мой, стало быть, дядя. А под Лейпцигом стоит памятник в честь «Битвы народов», с коим рядом в часовне-склепе русских героев лежат останки и нашего сородича.

Давно ушел в землю пращуров дед Иван, а ключ-колодезь, у которого будто совершаю омовение души, обретаю себя как Человек, цел и невредим. И с кем бы из близких людей ни делился, за что положили на чужбине головы мой дядя и прадед, всегда мечтал увидеть место их погребения в чуждадельней стороне.

2

И вот осенью поехал в Германию. Вместе с делегацией писателей объезжал немецкие города и веси, бродил по современным улицам и площадям с переплетениями транспортных эстакад, артерий, открытых стремительному движению машин, неспешному течению пешеходов, с параллельными высотными зданиями, ребристыми стенами домов, инкрустированными пластиками, гофрированной сталью, материалами других разнообразных конструкций – и почувствовал урбанистический зов будущих градостроительных комплексов. Рядом с ними, как анахронизм, выглядели старые кварталы со стоячим сырым воздухом, пахнущим железом. Оглядывая дома с тёмно-серым шинельным налётом, с тя-

Борис Шереметьев

жёлой рябью черепицы на остроконечных крышах, с крестообразными переплётками окон, с тусклыми двориками, я невольно ощутил на себе давление векового казарменного духа, совершенно не свойственного нашим древним белокаменным городищам с золочеными куполами церквей, лазурной кровлей. Так же как после обхода диковинных замков, чудесных готических храмов, музеев, живописных парковых ансамблей окрепло моё убеждение, что российские мастера творили нисколько не хуже, а в чём-то даже, может быть, благолепней, пригожей, с высоким полётом мысли.

При въезде в Лейпциг, «город под липами», я увидел гигантское строение, издали напоминающее мрачный набатный колокол. У верхнего яруса памятника обнаружил каменных бородачей, закованных в латы, опирающихся на многопудовые мечи, застывших с непокрытыми головами в почётном карауле. Будто бы какая-то неведомая сила подхватила меня и придвинула к подножию монумента, возведённого в начале века, олицетворявшего грозную власть, которой, казалось, нельзя противостоять. В купольном зале органная музыка Баха, полная возвышенного покоя, лирической сосредоточенности, звучала отовсюду. Густое, какое-то неземное гудение вызывало в сердце скорбь о чём-то давно утраченном, подавляло могучим многоголосием, возносящимся под высокий каменный свод уругими кольцами.

И вслед за печальными звуками я, как зачарованный, перемещался вверх по винтовой лестнице, истёртой, скользкой и такой узкой, что едва расходился со встречными посетителями. Пятьсот ступенек до осмотровой площадки, расположенной почти на стометровой высоте памятника, далось нелегко. Чем выше поднимался, тем теснее становилось дыхание, тяжелее шаг. И всё это как-то неожиданно соотносилось с тем, что было в том незабываемом 1813 году, с теми, кто участвовал в Лейпцигском сражении, со всей землёй и небесами, но в чёткую мысль пока не оформлялось, а только жгло в голове, пробивалось в сердце, открывало радость, придавая мускулам силу в движении: «Вперёд!»

Под самым куполом протяжные низкие звуки реквиема павшим лились ещё яростнее. Казалось, ревел, раскачивался сам памятник.

А ступив на обзорную площадку, я робело замер, каждой клеточкой ощущая величие небес, забитых облаками. Все они плыли на восток, медленно, как лебеди. Зная свой недолговечный срок, меняли обличья. То прикидывались зверем, то диковинной башней, то затейливой фигурой. И это представление, а точнее лицедейство, будет продолжаться до тех пор, пока норд-ост не собьёт их в один тёмный клуб, а молния, небесный воин, не пронзит его своим копьем. И понесёт тогда погромная туча свой плод, и прольётся такой обильный дождь, что может представиться вдруг, будто целое озеро опрокинулось над Лейпцигом.

Я подошёл к каменному парапету, глянул вниз. И взволнованнее людское море у подножия монумента, и тысяча крестов на могилах павших солдат мало-помалу размывали мою душу.

И вдруг сердце опять защемило болью, глаза застила матовая пелена. Мне воочию представилось дождливое октябрьское утро 1813 года. Бледно-голубые сполохи то тут, то там озаряли огромную всхолмлённую равнину, рассечённую мелководными речками Эльстер, Плейсса, Партой на четыре поля с только что убраным жнивём, рощицами и деревушками: Вахау, Клеберг, Мейсдорф, Гюльденгосса...

Нет, это не зарницы раздвигали горизонты, а далёкие выстрелы орудий. Опять идёт война против иноземных захватчиков. Всплывает густой пороховой дым, сквозь который различаю, как, намереваясь отрезать французов от Рейна, где находятся их запасы и склады, сосредоточиваются войска России, Австрии, Пруссии, Швеции, осмелившиеся дать бой Наполеону, верховодившему через своих наместников и вассалов над всей Европой. Полки союзных армий,

точно море в штормовую погоду, сливаясь и тревожно трепеща своей серовато-чёрной массой, охватывают Лейпциг в тиски.

Сразу вспомнились рассказы деда Ивана. И в моём воображении родилась величественная картина такой уже далёкой, но памятной сердцу русского человека битвы народов, когда войска России, очистив землю свою от злого врага, перешли через границу, чтобы и прочим европейским народам помочь свергнуть тяжкое иго наполеоновского владычества. Чудился и блеск огней, и треск ружей, и свист пуль. Все куда-то бежали, кричали с оружием наперевес. Через непрерывающийся гул до слуха долетали протяжные крики «ура!». Думалось, во всей округе царит какой-то хаос: люди перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но, присмотревшись к тому, как батальонные командиры гладкомерно отдают лаконичные приказания офицерам и те с воодушевлением поднимают в атаку свои роты, вслушиваясь в хладный звон столкнувшихся штыков, в горячую солдатскую брань, в торопливые слова чьей-то молитвы, в стоны раненых, начинал понимать железную логику боя.

Вахау и Клеберг уже были взяты русскими войсками. Однако этот, уступленный французами шаг, неожиданно обнаружил угрожающую нам опасность. Наполеон, разместив свои боевые порядки так, чтобы иметь возможность во всякую минуту сосредоточивать их на том пункте, какой представится более удобным для нанесения решительного удара, тотчас же на высотах у Вахау выставил более ста орудий, разразившихся страшным огнём.

Залповая стрельба слилась в продолжительный перекатывающийся грохот. Поднялась сильнейшая канонада. Едкая гарь капустными лохмами зависла над изрытым грязным пространством: линиями траншей, насыпями, погребями, платформами, землянками. Высокие столбы разрывов сцепились в белесовато-лиловые пороховые волны, сквозь которые мелькали огоньки вспышек, и наматы дыма пошли на город.

Вскоре почти все русские орудия, находившиеся в первой линии, были подбиты, батальоны потеснены с позиций. Центр боевых порядков оказался в затруднительном положении: не имея возможности идти вперёд против массы французской артиллерии, русские войска попали под град неприятельского огня.

Почувствовав, что можно нанести мощный удар по главным силам русской армии, Наполеон бросил в южный прорыв конницу маршала Мюрата, вслед за ней пустил пехоту. Французские эскадроны шли через русские боевые порядки, как нож сквозь масло. Они обогнули с левой и с правой стороны Вахау, увеличили аллюр, с ходу овладели несколькими батареями. Изрубив орудийные прислуги, разорвали оборону пехотного корпуса и окружили нашу арьергардную дивизию, вставшую в каре.

Довольный прорывом центра союзных армий, Наполеон так поверил в их разгром, что даже послал королю саксонскому, в Лейпциг, поздравление с победой.

И что же? Вся начертанная им картина вмиг переменялась. От молодецкой фланговой атаки лейб-гвардии Казачьего полка неприятель настолько растерялся, что на несколько минут остановился. Кубанцы из Черноморской сотни полковника Бурсака, воспользовавшись такой оплошностью, со страшным, диким гиком, держа наперевес долгие дротики, пронеслись через обстреливаемую вражескими батареями равнину и ринулись на кирасир.

Казачья пика, с острыми ребристыми гранями, длиннее, чем уланская, на целый аршин, «царица холодного оружия». Многие кубанцы, ведомые хорунжим Безкровным, виртуозно владели ею с детства и при дружном ударе наводили в стане врага панику. Вот и теперь французы не выдержали их лихого натиска, повернули вспять.

И вскоре по тому, с какой лихостью по дороге проскакали казаки, с какой поспешностью проехал командующий Барклай-Толли со свитой в сторону фронта, многие угадали – случилось что-то очень важное.

Так оно и вышло. Через минуту-другую перед очами Бурсака, точно из-под земли, вырос на коне есаул Безкровный. Осадил взмыленного жеребца и, тяжело переведя дух, выпалил:

«Господин полковник, знамя взяли!»

«Не может быть!» – удивился Бурсак, наставляя подзорную трубу на неприятеля под Вахау.

«Чуток правее берите.... Ну, бачите?! Французское!»

«Ай да молодцы наши хлопцы! Теперь дело пойдёт веселее...»

Четверо суток шло это грандиозное кровавое побоище, ставшее самым крупным сражением эпохи наполеоновских войн. Но если под Бородино русская армия, показав образец активной героической обороны, сохранила свою боеспособность и лишь по приказу Кутузова отошла к Москве, то год спустя, откатившись до Лейпцига, нечто подобное попыталась осуществить армия Наполеона. Но безуспешно. Потери её оказались неутешительными: убито – 60 тысяч, пленено – 20 тысяч.

...Какая тут была теснота от орудий, взрывов и людей. И, может быть, вон в том месте, где сейчас стоит неподалёку от памятника белокаменная православная церковь, построенная на средства потомков погибших солдат, в основном донских и кубанских казаков, скакал на врага мой далекий сородич. А может, и кровь его там пролилась. Не его, так другого воина, но пролилась! Нет тут комка глинистой почвы, не обгазированной кровью 22 тысяч полёгших русских бойцов.

3

Люди правят миром. Средоточием их амбиций и интересов, альфой и омегой вековых распрей неизменно были земля и золото, а орудием порабощения – военная сила, совершенствовавшаяся из века в век. Так, если во времена наполеоновских войн завоеватели лишь подводили страны под свою тяжёлую длань, превращали малые народы в своих прислужников и рабов, то в годы нацистского нашествия захватчики сделали злодеяние целью внешней политики, орудием насилия и человеческой сущностью. Гитлер не только оборотил нацистский орден меченосцев в страшное чудовище, но и сделал из него фабрику убийц и погромщиков. Он всячески науськивал верноподданных на то, чтобы, посеяв в душах простых людей ужас смерти, стереть с лица Земли возрождающую Россию, истребить в аду нацизма миллионы славян, евреев, цыган и прочих «недочеловеков», разрушить их самосознание и многовековую культуру.

Особо пронзительно я это понял, когда посетил в Дрездене мемориал жертвам фашизма, в Веймаре – бывший концентрационный лагерь Бухенвальд, где были зверски замучены 56 тысяч человек, в Берлине – памятник жертвам фашизма и милитаризма. Там, на Унтер-ден-Линден, наблюдая за разводом большого почётного караула, воздающего почести тем, кто пал в тяжёлой схватке с германским нацизмом, перед моими глазами вновь почему-то вставал памятник в честь «Битвы народов», воскресали русские воины девятнадцатого столетия, чьи сердца были искренними в смертельной борьбе, чей разум искал истину, справедливость. И в который раз приходил к достоверному убеждению о нерасторжимой связи времён и героических традиций. В годы Великой Отечественной войны русские люди сумели не только защитить родное Отечество от посягательства врагов, уберечь Родину и человечество от рабства и гибели, но и уничтожить гитлеризм, открыть народам дорогу свободы вдалеке истории.

И как символ этого священного боренья – над убитыми и вечно живыми, над пепелищем и возрождением, над ржавеющим кладом войны и, налитой упругой силой, желанием жизни, – вознесся памятник воину-освободителю в Трептов-парке, рядом с которым суета, мелкие заботы человека казались пустышными, недостойными внимания. Курган монумента напомнил мне стародавний могильник Дикой степи с бранными останками погибших ратников.

(Продолжение на стр. 5)

К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

(Окончание. Начало на стр. 4)

На владычествующей высоте поставлен, точно громадный древнерусский шлем, цилиндрический мавзолей с богатырской фигурой солдата. На лице глубокая тихая радость и гордость, сродни, пожалуй, отцовству: он обернёт победным боем от смерти невинную детскую душу. Кто этот воин-избавитель, чьи большие руки, очевидно, привыкшие оживать землю трудом, поддерживают малышку, прильнувшую к его груди с такой доверчивостью, сжимают меч, придавивший долу, будто гадюку, обломки разбитой фашистской свастики? Из каких дальних краёв или ближних мест прибыл он сюда, в срединную Европу, чтобы этим своим поступком открыть всем тайный смысл жизни, гибели, победы?

Может, это старший сержант Трифон Андреевич Лукьянович, спасший немецкого ребёнка от выстрела эссовца на перекрёстке улицы Эльзенштрассе и проспекта Пушкина в апреле 1945 года? Может, это рядовой 220-го полка Николай Мосолов, который, день спустя, услышав на развалинах Тиргартена плач ребёнка, с риском для жизни пробрался через минное поле к Потсдамскому мосту и вынес в безопасное место маленькую трёхлетнюю девочку? А может, это мой дядя, сражавшийся за Берлин? А может... Впрочем, трудно сейчас поодиночке установить фамилию солдата, какой он роты, взвода. Важно, что российская женщина родила его для праведной жизни. Напевая песню у сыновней колыбели, как и всякая другая мать, об одном молила Бога: не посылать на их голову войну, чтобы сердце её дитяти никогда не знало ни железного врага, ни горе вечной разлуки.

Но жизнь, видно, готовит каждому свою долю. Когда Иван вошёл в красные годочки, — налил силой, женился и обзавёлся чадом; едва успел познать хлеборобские дела — началась война. Из труженика-землепашца он вмиг превратился в труженника фронта и воина, от которого многое зависело: восторжествует здоровый смысл и счастье на земле или рабство и погильель.

Боевое крещение он принял под Москвой. Поначалу от каждого внезапного выстрела, пристрельной, огневой, яростной бомбёжки сжимался в тугую обречённый комочек, смыкал до боли глаза. А пообвыкнув, прозревал, что враг, словно клещ, впился в тело его Родины, без которой ни он, ни его товарищи не мыслили своего существования, начал воевать под Москвой с удвоенным мужеством, с яростью и ровным упорством. Всегда делал то, в чём была острая необходимость, не уступал другим в старании. Как и все, нёс посильный груз на фронте: ходил в атаки, рыл траншеи, мёрз в землянках. Пулям не отбивал поклоны, и они обходили его стороной. Судьба его миловала.

У стен Сталинграда Иван испытал гордость солдата. И когда выбивал фашистов, вросших в камень, в землю, и когда, меняя диспозицию, ползал под вражеским огнём вдоль Волги, отдать которую — значило погубить Россию. Он выстоял, хотя и получил тяжёлое ранение. Уже в тылу, на госпитальной койке понял, что смерть, оказывается, заслужить надо, чтобы от неё польза людям была.

На Курской дуге Иван впервые увидел огромное скопление живых жарких бронированных машин врага, давящих души и кости людей. Дрогнули наши танки, попятнулись. И тогда он встал в полный рост, преградил им дорогу. Потный, прокопчённый гарью, он сновал от машины к машине и, стуча по железу автоматом, останавливал их. А потом, широко раскинув руки, истошно кричал пехоте: «Братцы, ни шагу назад! Умрём, а не пропустим фрицев! Погибнем — так с честью!.. Только вперёд!»

После тех боёв долгое время в ушах его стоял скрежет ленточных цепей, дребезг стальных кузовов и надрывное дыхание дизель-моторов. В глазах мельтешили картины видений: не давая жизни «тиграм» и «пантерам», он подкрадывается к ним и швыряет в гусеницы, жующие землю, связки гранат. Жёсткие, клокоцущие взрывы — огонь рвёт сцепления колёс, и подбитые танки останавливаются, как вкопанные.

Он вышел живым из этого испепеляющего огня, из безжалостной круговерти битвы. Казалось бы, есть повод для радости. А тут на тебе — пришла из дому скорбная весточка: фашисты согнали всех малолетних и пожилых сельчан в амбар, в котором от пожара и казни скончались его ребёнок, жена

и сёстры; мать, чудом уцелевшая, живёт лишь по привычке, а не желания.

Закипело в злобе сердце Ивана; был он страшен в боях, когда теснил врага к кордону. Однако выйдя к Бугу, перешагнув через заветную линию границы государства Российского, насмотревшись на мирян зарубежных, которые, казалось, и в мыслях не держали причинять кому-то худо, в нём вдруг пробудилась деликатность в чувствах, и он понял, что некому больше мстить...

Прошагав пол-Европы, через сотни деревень, посёлков, городов, потеряв в малых и больших боях великое множество своих товарищей, израненный Иван не перестал жить своим русским умом, живым, бойким, быть верным своему слову, друзьям и Богу; стремился не только понять чужих людей, но и помочь им обрести счастливую судьбу.

Понагляделся Иван и на Берлин. В уличных боях поковырял его сапёрной лопатой, поползал по булыжным мостовым, полазил по крышам, чердакам и подвалам. Пришлось её, столицу рейха, прежде такую постылую, ощущать и узнавать не только с лица, но и с изнанки...

Вот и тот незабываемый день, когда черта фронта проходила через одну из площадей, намертво врезался в его память. Одну из сторон участка занимали наши войска, другую — остатки фашистской части, упорно оборонявшие свою «святую фатерланд». В центре пространства — развороченная взрывом клумба с цветами. Около воронки, на опалённой траве, как насмешка над жизнью, лежала убитая женщина, а рядом — маленькая девочка: вертела белокурой головой, подбирала к животу голые ножки, сучила ими. И только в редкие минуты затишья, едва замолкал треск перестрелки и отдалённый гул канонады, отчётливо прорезался её скорбный плач. Звуки, округлённые, надрывные, обретали протяжность в каменном мешке площади: «И-и-в-в-а-а... И-и-в-в-а-а...»

Иван укрывался вместе с бойцами за руинами разрушенного дома. И как только сквозь прерывающиеся всхлипы ребёнка уловил призывный зов, в чертах его усталого, закопченного лица проступила растерянность, какая обычно овладевает человеком на берегу моря в шторм в первый момент, когда видит, что там, за стенами волн, чья-то живая душа ждёт неслучайной помощи.

В груди Ивана в яростной силе заходило сердце. Поспешно накинул на ствол автомата каску. А поднял над бруствером — несколько пуль тотчас пробили стальной шлем. Спасать ребёнка — значило идти на верную гибель. От этой мысли у Ивана защемило под ложечкой. Неподдалёку, среди пепелища, лежало беспомощное малое существо, чужое коротенькое счастье, высшая жизнь мироздания, а он, страшась и переживая за безвыходность положения дитяти, как переживал бы за свою дочь, зывающую о помощи, не знал, как оградить сейчас малышку от пагубы, которая могла наступить в любой момент. Эта безвыходность тяжёлым грузом ложилась на душу Ивана, готового пойти на отчаянный шаг, предпринять любое действие, лишь бы спасти малышку — никто не имел право расплачиваться её судьбой за авантюризм гитлеровцев. Собственно, Иван, как и тысяча его соратников, потому и спешил к Берлину, чтобы уничтожить, добить страшное чудовище в его логове, остановить смерть, чтобы люди больше не испытывали неутешного горя. В этом, и только в этом, как он полагаю, и заключался высокий смысл прихода Русской армии в Германию, без коего её справедливая война из правого дела, легко могла превратиться в примитивное убийство.

Плач ребёнка становился всё звонче, всё истеричнее.

По спине Ивана пробежал холодок. Он обвёл взглядом своё отделение. Кого не пошли, все готовы на самое неизвестное и

высокое — на подвиг и победу, хотя у каждого были родные и близкие, у многих дети... С успокоенным, удовлетворённым сердцем Иван осматривал себя: он не единожды встречался уже со смертью и знал, как её можно отвести. Всем телом, привыкшим слушаться, прицелился Иван к кирпичному брустверу и перемахнул через него на тротуар площади.

По обе стороны передовой вдруг наступила тишина, будто бившиеся люди разбрелись и оставили место боя пустым навсегда... Поступок Ивана и в самом деле внёс смятение в рациональное, подверженное суеверным предрассудкам, сознание врагов. Во всех окнах дома, стоящего напротив, вылепились их недобро наблюдающие физиономии, следившие за тем, как русский солдат ползёт к цветочной клумбе.

И вот, наконец, встав на колени, Иван поднял девочку, прижал к груди худенькое восковое личико. Начал успокаивать младенца на руках, гладить светлые, почти белёсые волосы.

Назад он возвращался тем же путём. Однако ползти теперь было гораздо труднее, так как живая ноша не позволяла ему пластаться по асфальту. Но сознание, что они с малюткой могут остаться невредимыми, заставляло силой своего яростно бьющегося сердца напрягать усталые мышцы.

У кирпичного бруствера остановился, не выпуская из рук ребёнка, поднялся в полный рост, чтобы перелезть через каменную оградку. И в этот момент с вражеской стороны грянул один-единственный выстрел. Иван ощутил, как под лопатку вклинился какой-то сторонний предмет, ужаливший изнутри и понял, что смерть настигла-таки его; однако не испытал ни страха, ни сожаления, а почувствовал счастливую праведность в душе, сознание исполненного долга.

Фигура Ивана начала как бы оплывать, и он упал вниз, за бруствер, на руки своих товарищей.

«Я, кажется, готов... Примите девочку», — выдавил сквозь спешившие губы последние слова и прикинул лицом к земле с последним вздохом любви.

В битве всё настолько тесно взаимосвязано, что малое зависит от большого, а большое от малого. Устоять против Русской Армии во всей её грозной мощи, сражаться с монолитной Россией, воинскими подвигами приближавшей час Победы, биться с Иваном, богатырями духа, в жертву приносящими себя ради спасения немецких детей, — гитлеровцы оказались не состоянием. 480 тысяч солдат и офицеров сдались в плен.

Во время битвы за Берлин, величайшей и сложнейшей в военной истории, 102 тысячи солдат, лётчиков и моряков сталинского призыва ценою своих жизней укротили лаву огнедышащего вулкана смерти гитлеризма на планете Земля. Это в честь их славных деяний сегодня в городе стоят мемориалы на улицах Берлинерштрассе, Кюстерштрассе, Визенбургервег, Бродауэрштрассе, в Шлоспарке, Панкове-шёнхольце и в Трептов-парке.

4

Трептов-парк... Покрытый мутно-голубым пологом неба, он в центре Берлина, точно зелёный островок, образовавшийся при разливе реки. Ветер молитвенно шелестит листвою высоченных тополей, легонько клонит к ногам стебли трав.

Через каменный портал, окружённый пушистыми елями, я снова прохожу в мемориальную рощу и по буковой аллее иду к гранитному изваянию «Мать-Родина». Она олицетворяет собою русскую женщину, которая выносила плоды своей любви под сердцем и произвела на свет детей для вечной жизни, которая до окончания своих дней помнит запах кожицы их тел, цвет живых глаз. Простоволосая, со смутным, точно ослепшим лицом, безучастная ко всему на свете, она сидит на скамье наедине со своим

вечным горем, неутолимой печалью: пали в бою её дети, в которых вложено столько сил, которым отдано столько любви и крови, и потому скорбит с поникшей головой. Из-за шума листьев на деревьях я не сразу слышал её ропот: «Ох, тошнёшенько мне! На толь я вас выходила да вынырнула, на своих руках выносила...»

Я не знаю, как утешить женщину-мать и можно ли вообще её утешить в роковой час, если на лице её запечатлены вселенская скорбь и униженная гордость, обида и грусть отчуждения. Как бы давно её сыновья не ушли в миры иные, как бы ни преобразилось место их гибели в далёком городе, для родимой матушки они всегда живые. И даже здесь, в далёком городе, она в любой момент отыщет только ей ведомые признаки существования своих детей: на дороге — следы их ног; в окружающей природе — работу по одушевлению земли своей короткой жизнью; в вещах и предметах, которыми они когда-то пользовались, тепло их рук.

А вот Мать-Родину русские люди знают, чем утешить. Тем, что сердца сынов-воинов, разорванные сталью на войне, не предавать забвению, а подвиги, совершенные ими, явить вершинами, откуда шире раскрываются видимые горизонты. Тем, что мир на земле, отстаиваемый из года в год, сделать святым и реальным. Тем, что Отчизну, согревающую нас своим теплом, ведущую уверенно и твердо по курсу вперёд, неустанно отстаивать и защищать...

Каждый день к «Ивану» в Трептов-парке, к воину-освободителю в берлинской мемориальной роще, приезжают люди со всего мира, чтобы поклониться подвигу русских солдат. Здесь ему воздавали воинские почести участники французского Сопротивления; склоняли седые головы перед вечной памятью ветераны войны; отдавали дань человеческому мужеству и стойкости британские ветераны войны, одетые в военные мундиры. В минутном молчании замирали тут шахтёры из города Битефельд, учитель со своим классом из Германии, итальянские студенты, российские писатели...

Я неспешно иду по широкой аллее мимо двух пилонов в форме знамен, выложенных красным гранитом, мимо бронзовых скульптур, коленопреклоненных воинов России, без касок, с опущенными автоматами. По ступенькам, ведущим вниз, выхожу к центральной части мемориала. Вдоль средней оси пять обрамленных газонов. На каменных постаментах пять литых венков.

Задержался у братских могил — и передо мной как бы безмолвно разверзлась земля: оплетённая жилками родников, корневищами, но не живородящая; нашипованная ржавым железом, кальционированными костями, но не помнящая ничего, схоронившая в себя на веки вечные все тайны. И только перед нами, людьми, живущими сиюминутно, чувствующими мир во всей его полноте и разнообразии, встаёт широко и реально прошлая жизнь, немереное поле человеческих страстей и желаний, забот, тревог и волнений. Оно в нас и, стало быть, ещё не потеряно, живо; и память старших поколений и понимание ими истины и подвиг солдат, который мы обязаны донести до своих детей, внуков.

Во мне вдруг родилось ощущение огромной важности Трептов-паркового кургана для всего человечества. Я с трепетным чувством поднялся по открытой лестнице к Ивану-освободителю с младенцем Европы на руках, создающей новый мир. Находясь рядом с воином-освободителем, атлантом, подпирающим облака под самое небо, невозможно охватить его ни мыслью, ни взором.

В зале мавзолея с купольным сводом взору моему открылось мозаичное панно великой печали российских людей, свято чтущих память своих героев. На потолке сверкал хрустальный орден Победы, на постаменте из чёрного камня лежала Золотая книга с именами захороненных воинов. Отыскалась среди них имя и моего дяди.

... Вот и наведалься туда, куда влекла меня таинственная родовая память. Словно побывал там, на вечной переключке сердец наших предков, воочию увидел в незнакомых, никогда не виданных прежде краях дела и события давно минувших дней.

ЛЮБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА?

Сумерки литературы

Известен факт. Маркиз де Сад за пропаганду своих раскрепощенных «сексуальных» действий сидел в тюрьме. Пришедший к власти Наполеон освободил его из узилища. Благодарный маркиз, не все человеческое было ему чуждо, прислал императору несколько томов своих сочинений.

Недаром современные историки сравнивают Сталина и Бонапарта. Оба они читали книги. Наполеон полистал «Жюстину» де Сада и тут же распорядился опять запереть растлителя.

К спору о введении ЕГЭ в школу это имеет самое непосредственное отношение.

Как бы это не грустно было утверждать, но нормальная литература становится «сантиментом», вздором и пустячным пустячком.

После событий, случившихся с миром в девятнадцатом, двадцатом, двадцать первом веке уже не стало жалко той пушкинской собачки, которую дворовый мужик спас, вынося изо огня. И «Муму» И. С. Тургенева изучать, увы, уже не стоит, потому что учитель словесности будет выглядеть посмешищем. Что Муму. Сейчас вот слы-

шал по краснодарскому краевому радио, что поймали преступницу, родившую и тут же выкинувшую на помойку младенца. Младенец умер. А матушке грозит пять лет лишения свободы.

Голос, передававший это ужасное событие, был беспристрастным, будто говорилось о низкой облачности.

Экзамены методом тестирования, конечно же, убивают живое слово, эмоцию, мысль. Все, что в человеке и в литературе зовется душой.

Смешны душевные терзания Анны Карениной, Вронского, обманутого мужа, пятнадцатилетней ученицы, гораздо ведь важнее помнить, что конягу Вронского звали «Фру-Фру».

Дорогу к единому госэкзамену проторили давно в телевизионном окне. «Поле чудес» вполне реально перешло в школьную и университетскую жизнь.

«Изъять музыку математикой» – вот что хотят современные деятели образования. И я, и окружающие меня люди, не могут понять кому и для чего это надо.

Заразившись тестовой системой мышления, бинарным принципом выбора, я провел своеобразный опрос: «Останетесь ли вы довольными, если некий уличный разбойник будет вас оскорблять самыми последними словами». На этот ответ все ответили «Нет». Более того сказали, что позовут дядю Степу милиционера.

Но вот многотысячным тиражом в библиотеки, в глубинку, поступили сочинения все того же В. Сорокина, где на каждой странице нас, людей, обзывают самыми последними словами и ведь никто не зовет дядю Степу.

Раз вышла книжка, этакая красивая, цвета металл и назы-

вается «Сердца четырех», как у романтика Дж. Лондона, значит это кому-то нужно. Значит, кому-то нужно зажигать звезду Сорокина. И он непобедим.

Почитатели этого виртуоза от литературы могут меня обвинить в провинциализме. Я, мол, здесь в кубанских плавнях ни бельмеса непонимаю: Сорокин – пересмешник. Он таким образом борется с пошлостью, с человеческой глупостью, со штампами и суррогатами нашей теперешней жизни.

Хоть режьте, я не могу себе представить действие, описанное в романе В. Сорокина, когда четверо смельчаков кладут под пресс мать главного героя, выжимают из нее все соки, сцеживают в канистру и называют все это «жидкой мамой».

Когда я дал почитать книжку своему знакомому С. Базалуку, он мне тут же ее вернул, сказав, что сковородки в аду плачут по В. Сорокину.

Но это вернул взрослый, воспитанный на нормальной литературе журналист, а школьник, который посмотрев фильм «Сердца четырех» потянется к этому продолжению...

В. Сорокиным наполняются не только библиотеки, а и книжные магазины. Только что я увидел собрание его сочинений, в центре которого стоит – «Норма».

Говорить о Сорокине стало не в моде. Так это ему же и на руку. Ну ладно!

Электроника, компьютеризация проникает в школы. Парты еще старинные, «брежневские», а «пентиумы» новые. И что же предлагает электроника в курсе литературы. А в курсе литературы она предлагает сказку актера Л. Филатова «Любовь к трем апельсинам».

Конечно, Леонид Филатов, не Владимир Сорокин. И все же в драматическом этом тексте горохом рассыпаны «мастурбация», «яйца» и прочие ядрёные словечки современного лексикона.

Вы скажете ирония? Но она понятна только для высокоинтеллектуальных дядей и тетей. Для подростков с нашим русским менталитетом это всё материал для смеха.

И для краски стыда на учительском лице.

Не так давно я заглянув в детскую библиотеку, отчаявшись найти нормальное чтение во «взрослой».

Бог мой! «Каштанки» нет. Давно не выпускают. «Тема с жучкой»? Что вы?... Никогда этого читать не будут.

Вот шкаф литературы для девочек – романы! Сестры Воробей. Да, да, именно романы, чтобы поскорее юные леди находили свое место в жизни, мечтая о виллах и кадиллаках.

В другом шкафу – криминальное чтиво. Действующие лица – школьники. И воры, и полицейские – учащиеся старших классов.

А ведь не так давно читали другое.

Когда я писал документальную книжку о Афганской войне «Заслон», мне посчастливилось встретиться с мамой погибшего от ран и болезни, полученной в Афгане, Димы Милеева.

Наталья Васильевна Милеева рассказывала: «В Димином детстве мы читали вслух Маргариту Алигер, поэму «Зоя», Маяковского, Юрия Полякова «Сто дней до приказа». Там о дедовщине. Но надо же, Дима пошел служить в армию охотно. Видно и эта книга повлияла.

Что ж, верно высказывание: «Книги выстраивают судьбы». От Книжки Харпера Ли «Убить пересмешника» до современных пересмешников, настоящих не так уж далеко. И полвека не будет.

Но ведь как изменилось время, как оно корёжит судьбы.

Еще В. В. Розанов заметил, что книги влияют на жизнь. И указывал, что при Гоголе Собакевичей, Коробочек, Держиморд, было в помещицкой среде раз-два и обчелся.

А вот появились «Мертвые души» и их стало гораздо больше. Мнение дискуссионное. И все же...

Я помню, как бабушка топила баню, а я носил из речки ведра с водой, чтобы заправить бак. И у мостка, на отмели, увидел стайку рыб, боязливо тыкающуюся в речной ил. И так мне стало боязно за эту тонкую, нежную рыбешку. И бабушку свою стало жалко. Баба Дуня изработалась в колхозе, босиком на ферму коров доить бегала. Зимой, босая.

И я помню эту плотву на солнышке всю жизнь. Столько времени прошло, а плотву помню.

Русская литература, та самая плотва и есть, она учит относиться друг к другу с нежностью и пониманием. Не надо её глушить динамитом, а то и из этих учёных особ, посылающих в библиотеки духовного террориста Сорокина да полосующих литературу, как заячий тулуп, на куски, сделают «жидкую...» Ну, да понятно что... Догадитесь, используя бинарный принцип.

Николай ИВЕНШЕВ,
Ст. Полтавская
Краснодарский край

Ленусику было пятьдесят лет. Она была учительницей биологии. И твердо знала, что «рефлекс – это реакция организма в ответ на полученное раздражение».

Ленусик подошла к нему сзади и положила прохладную ладонь сначала на плечо, потом на руку. Огоньки в темном окне вздрогнули.

Его звали Петр Иванович, а за глаза называли Приставкой. Он был учителем русского языка и литературы. Но в личной жизни Пётр Иванович Клюев звался «Ивановичем». Все потому что слово «Пётр» почти такое же мощное как «Трактор». И оно не подходило к тщедушной фигуре словесника.

Ленусик уронила руку и громко вздохнула:

– Не печалуйся, Иванович. «Печалуйся», так пел Булат Окуджава в те времена, когда Ленусика называли по моде тех лет «Ле».

Он дёрнул плечом, показывая этим жестом, что не хочет сочувствия.

– Как знаешь, – обиженно среагировала жена и ушла на кухню пить чай.

Мерцание за окном прекратилось.

«Зачем я так?! – подумал Клюев, – Уже обидел. Прав Толстой, мы обижаем самых родных».

Старый учитель тряхнул головой, сбивая неловкость от случившегося пустяка и опять твердо уперся лбом в оконное стекло. «Печаловаться» было о чём. И Ленусик, конечно же, знала. Сегодня после уроков его вызвала к себе директриса, молодая, роскошная, прогрессивистка. И всплескивая холёными руками, стала говорить о развязности современной молодежи. И так она это говорила, что казалось приветствовала эту самую «разнузданную, молодую прить». Но вскоре Полина Михайловна перешла на телеграфный стиль. Красивое лицо ее смор-

щилось и стало желтым, как у покойницы.

– У нас неприятности, Петрррр Иванович. Лола Кузьменко, – глубокий вздох, – Беррремменна! Так-то Петрррр Иванович! Её ср-ррр-рочно надо пер-рррр-ревести в вечер-р-рр-рнюю! Иначе, Петрррр Иванович, всем трр-р-руб! Все мы будем ниже плитуса. «Тррр- тррр, тррр-тррр».

Полина Михайловна не открывала Аме-

ХУТОРСКАЯ ЛОЛИТА

Николай ИВЕНШЕВ

рики. Старый учитель знал всё в деталях. Эта Лола Кузьменко жила одна. Абсолютно одна. Не в счет, что рядом крутились отец с матерью. Они, как бы выразилась охочая до народных слов, директриса, крепко калдырили. Зачем же она его вызывала?..

Постепенно Лицо у Полины Михайловны приобрело нормальный оттенок. Симпатично улыбаясь, она всплеснула ладошками:

– Посадят!
– Меня?... За что?... – Он не испугался, нет.

Руководительница просияла:

– Его, гммм, посадят того, кто выругал ребенка! Мужики-дураки. Повёл Лолу, нашу... вашу Лолу в ЗАГС. Но это ведь педофилия, сразу статья, уголовный кодекс. И на него завели дело – совращение... Гмм.

Она облизала нижнюю губу.

– Позвольте, Полина Михайловна, но ведь он хотел вытащить девчонку из пьяной трясины. Она не-на-ви-дела родителей. Ясно?

– Но ведь не таким образом... У нас в районе шестнадцать беременных за партами. И им замуж втерпел...Идите!..

Думайте.

И сейчас Петр Иванович Клюев тёр свой лоб темным стеклом, как ластиком, и думал. Он глядел в темь, где плескались какие-то рваные тени, и никак не мог свести концы с началами.

– Но ведь этот биологический отец поступил честно... Ммм...Вот ведь как обернулось...Ммм...

Учитель знал того молодого мужчину, приезжавшего на хутор в дорогой машине. Модный пиджачок, светлая рубашка, галстук в тон...Как он машину не пачкал на хуторской дороге, загадка. У этого Вадика, Вадима Андреевича и улыбка была чистой. А мог ведь легко отказаться. «Ммм!» Учитель сморщился, как от зубной боли...Надо срочно пойти и объяснить всё прокурору. Сказать так: «В связи с теперешним воспитанием скоро в пятом классе уже начнут заниматься... Гммм...И что прокурор? Он – машина. Буква Закона».

Клюев опять тряхнул головой. С чего начал, тем и закончил. По молодости по распределению Клюев работал русоведом в степном Дагестане, недалеко от Кизляра. И его ученица, семиклассница Патимат Магомедова, была украдена. Её умыкнули в горы...От жёстких разборок в кизлярском роно его спасла только армия. Ушел служить солдатом. А теперь? Теперь то его не тронут. Другое время...Но... Душу все равно ела какая-то хлорка. Что мы с молодежью делаем?!.. Мы. Мы. Мы!!!

Ленусик, Ле, Елена Степановна попила

чаю, вернулась к мужу и опять положила ладонь на его руку, слегка погладив пальцем: «Не печалуйся!»

Он повернулся к жене и виновато улыбнулся.

– Ты, Иванович, не мучайся. Не бери в голову. У молодых гормоны играют. Плюнь, выпей чайку с мятой. Не посадят этого хлюста в лакированных туфлях.

– Но он ведь хотел вытащить девку... Из трясины...

– Заладит! Поймут, поймут. Не посадят... – Жена вздохнула, – Я почему-то ей завидую, Лолите этой хуторской.

– А другие?... Кто других возьмёт? С детьми?

– Не болтай глупости, Иванович, ты не Индира Ганди...

– Причем здесь Индира?

– При том. Айда в люлю, Иванович. Я, между прочим, твоя биологическая жена.

«Рефлекс – это...»

И Пётр Иванович, в школьной жизни его звали Приставкой, тихо побрёл за женой. В доме у них было тихо. Дочери Оля и Маша давно жили в городе. Плечо Ленусика, почти чужое плечо, как всегда было гладким, намазанным какой-то импортной бякой.

– У тебя что – своих забот мало? У тебя что: жены нет?... Зачем ты, зачем одобряешь преступника, они фильмов насмотрятся... Сам собой займись, собой займись. Мы то, мы сами, почти старики. Мы то... Собой...

Язык её плутал.

Выключатель находился над изголовьем. Он щёлкнул светом.

На щеках Ле, так по-хемингуэвски он звал свою жену в молодости, блестели капли. Давно она не плакала. И давно всем поясняла она, что это глупый рефлекс, докучливый атавизм.

ПРОЗА

Общество с ограниченной ответственностью «Инжир», чье общее собрание проходило дважды в год, опять не считалось своих людей. Люди пропадали не только в этой фирме, но потери ООО «Инжир» были наиболее ощутимы. Под подозрение попала фирма «Тремс», чьи двери были прямо напротив дверей ООО «Инжир». Стоило кому-либо из сотрудников переступить порог фирмы «Тремс», как человек тут же бесследно исчезал. Надо ли говорить, как было обеспокоено руководство «Инжира» и особенно ее директор Визажисский. Лично Визажисским был нанят частный детектив – некто Петров. Именно он получил задание внедриться в коллектив фирмы «Тремс» и окончательно установить ее причастность к факту похищения людей.

Задача облегчалась тем, что фирма «Тремс» постоянно нуждалась в новых кадрах. На первом этаже, в холле здания НИИ «Научторгхоз», часть площади которого фирма «Тремс» взяла в аренду, висело красочное объявление:

ФИРМА «ТРЕМС» ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ.
Ниже была приклеена записка:
ТАИСИЯ ЕГОРОВНА! НЕМЕДЛЕННО ОПЛАТИТЕ АРЕНДУ. ИНАЧЕ МЫ ОТРЕЖЕМ У ВАС СВЯЗЬ. АДМ-ЦИЯ.

На этой записке кто-то написал корявым почерком: ХА-ХА! Старая вахтерша с жирно подведенными бровями никак не хотела пропускать Петрова, но после нескольких звонков «наверх» все же уступила, подозрительно проводив его взглядом до лестницы.

Вошел в 310-ю комнату с предельно лаконичной вывеской ТРЕМС, Петрова поразил размер офиса, снимаемого фирмой. Размер усиливался полным отсутствием обоев, мебели и персонала. Только уборщица, изогнувшись в три погибели, драила скрипучий деревянный пол.

– Подходите к окну – там бумага и ручка на веревочке, – раздался властный голос, как в громкоговоритель. Петров подчинился. Как потом оказалось, голос исходил от уборщицы. На подоконнике лежала анкета, которую необходимо было заполнить.

– Ваше ФИО, – спросила уборщица, не отрываясь от мытья полов.

– Петров Иван Сидорыч.

– Вы не мне говорите, а пишете в анкету.

В анкете также надлежало указать «национальную ориентацию, вероисповедание и принадлежность к экологическим организациям». Кроме того, нужно было указать свой вес на 26 августа и готовность работать бесплатно. Не успел Иван Сидорович пометить непонятные вопросы птичками, как уборщица выхватила из его рук анкету и спрятала за пазуху.

– Идите. Мы с вами свяжемся, – сказала она.

– Но у меня нет телефона.

Уборщица на минуту задумалась.

– Ладно, тогда пождите, я свяжусь с руководством.

Вдруг в двери заглянул человек и крикнул:

– Зина! На первом этаже есть три стула, а на втором – столы.

– Тащи, – ответила Зина.

Мигом комната наполнилась какими-то людьми. Вскоре появились три стула и двенадцать ученических парт, которые сразу же разместили впритык по всему периметру комнаты.

– Поздравляю вас, – сказала уборщица Зина. – Я только что связалась с руководством: ваша анкета заняла первое место. Вы приняты на работу!

Зина достала из парты бутылку, на которой поверх этикетки «Пиво» было написано фломастером: «Сок». И тут же ее опорожнила.

– Вы еще здесь? – обернулась она к Петрову. – Идите домой, а завтра милости просим к 8.00.

Когда Иван Сидорович уходил, в комнату вошли маляры и принялись белить потолок. Зина же раскрыла над собой зонт и извлекла из парты еще одну бутылочку. Поймав на себе недовольный взгляд, сыщик Петров счел за благо ретироваться.

Проработав ровно месяц, Иван Сидорович Петров никак не мог определить – чем же все-таки заняты работники фирмы «Тремс»? С того дня, как Петров пришел сюда в первый раз, обстановка офиса не изменилась в лучшую сторону. Хотя на стене появилась огромная карта СССР, на которой некоторые города были отмечены флажками разного цвета. Рядом с сотрудниками был вывешен, непонятно для чего, список клиентов фирмы. Причем фамилии и организации были записаны какой-то чудовищной тайнописью. Как потом выяснили, в порядке конспирации.

Постоянно звонил телефон, но трубка не снималась. Позже сыщик Петров узнал – работники «Тремса» из-за боязни быть подслушанными переговаривались посредством телефонных сигналов. Надо заметить, директор здания Микула Селянович Чеширров о-очень любил подслушивать, но, даже расшифровав сообщения, он бы все равно ничего не понял. Кодовые послания были очень короткими. Например: «У меня стакан» или «Я в парке, а ты?» или «Я один».

Время от времени в комнату 310 приходил нетрезвый юрист, который уединялся в дальнем углу и что-то печатал одним пальцем.

Самое же главное состояло в том, что было непонятно – кто является директором «Тремса»? Сначала подозрения сыщика легли на уборщицу, женщину средних лет, но всегда очень ярко одетую. «Вполне возможно, – думал он, – что директора обстоятельства заставляют маскироваться». Мысленно Петров стал оценивать каждого сотрудника на роль шефа фирмы.

Юрист Хунхуз Перистазиевич Безнадежный в этой связи выглядел как наиболее законспирированный директор. Поэтому Петров крайности решил отбросить. Истина где-то посередине... Взять хотя бы главбуха фирмы. Наметанный глаз сыщика сразу заметил странные перемены во внешности бухгалтера, происходившие в течение трехдневного

периода. Постороннему могло показаться, что главбух – личность цельная, неделимая и неслиянная. Однако Петров путем многодневных наблюдений точно установил, что в «Тремсе» на этой должности работают три человека под одной фамилией. Бухгалтеры сменяли друг друга в строгой очередности. Петров рассмотрел возможность пребывания директора в должности «триединого бухгалтера», но в последний момент от этой идее отказался. Такую сложную многоходовую комбинацию к тому же было трудно объяснить заказчику расследования – директору ООО «Инжир» Визажисскому.

Следующим подозреваемым в директорстве был художник Недоухин. Однако он был замечен в слабости и странных наклонностях.

Фирма «Тремс», или Дом на косяке

Иван Карасев

Как-то раз Недоухин подвизался разрабатывать торговый знак одной фирме. На розовом фоне в замкнутое поле пасхального яйца должен быть заключен радостный крестьянин с орденом Дружбы народов. Он должен стоять на стене Шлиссельбургской крепости, одной рукой гнуть подкову, а другой размахивать флагом. Когда торговый знак был в принципе готов, возник вопрос с цветом флага. Трехцветный вариант флага Недоухин отверг, поскольку любил простоту и изящество. Белый цвет не подходил: тогда бы выглядело, что крестьянин сдается. Черный попахивал трауром и анархизмом, красный – революцией, желтый – предательством Иуды... Когда все известные миру цвета были перебраны, Недоухин предложил голубой... и тут же покраснел.

Настал момент, когда Петрову надоело в каждом видеть злосчастного директора, он решил попытаться Недоухина.

– Скажите Недоухин, а кто у вас директор?

Сей прямой вопрос застал художника врасплох. В один миг все обитатели 310-й комнаты вместе с многочисленными посетителями разом умолкли. Казалось, им тоже было интересно узнать, кто же, в конце концов, директор. Даже если они и знали ответ, то лишний раз проверить все равно не помешает. Каждый втайне про себя думал: «А вдруг директор – это я, но только не помню об этом?»

– Зачем вы так кричите, – перешел на шепот Недоухин и принялся что-то царапать на столе. Иван Сидорович надел очки и прочел: НАШ ДИРЕКТОР – Т.Е.Т.-Я.

– Что это такое?! Что это та-ко-е? – стал трясти горестно художника Петров. Недоухин же продолжил свой немой диалог: «Т.Е.Т.-Я. – это Таисия Егоровна Туган-Ядунова. Она сейчас будет. Я как раз иду смотреть не приехала ли она?» Комната 310 как-то незаметно опустела. Ушел и Недоухин, которого Петров больше никогда не видел.

У персонала «Тремса» был такой обычай – исчезать перед приходом директора. Таисия Егоровна была женщиной экономной и ходила на работу пешком из соседней станции. Именно по этой причине появление Таисии Егоровны в «Тремсе» было столь же редким, как солнечное затмение. Директрису можно было бы назвать некрасивой (она косила на правый глаз и немного прихрамывала на левую ногу), если бы ни ее шикарная коса. Проникнуть в свой офис, который располагался на косяке, Таисия Егоровна пыталась незамеченной, поскольку встреча с директором здания Чеширровым могла закончиться для нее плачевно. Дело в том, что Таисия Егоровна аренду не платила. Осторожный же Микула Селянович был заблаговременно информирован о зловещей репутации комнаты 310 и никогда не переступал ее порога. Зная это, Таисия Егоровна под видом монахини, врача или глухонемой проникла в свой офис. После этого она смело зазывала Чеширрова «на чай», однако, единственное, на что мог решиться Микула Селянович, – это писать записки с угрозами. Типа: «Во избежание очередного просрачивания, немедленно зайдите в администрацию, где вам будет сделана выписка из приказа». (По правде сказать, Таисия Егоровна боялась, что там ей сделают кое-что другое). Или: «При продолжении не платить, я буду вынужден заставить вас ЭТО сделать». (Что такое ЭТО для Таисии Егоровны оставалось загадкой, но внутренний голос подсказывал, что ЭТО может быть совсем и неплохо).

И вот открывается дверь и на пороге появляется Таисия Егоровна в черной косынке, темных очках и черном шарфе.

Петров поздоровался.

– У меня к вам тысяча вопросов, – сходу бросила директорша. Это была ее обычная форма приветствия, но Иван Сидорович пока не знал об этом.

Таисия Егоровна перекрестилась и сразу, сев за бумаги, спросила:

– А вы христианин?

Петров не успел ответить: в комнату зашел какой-то человек и сказал, что пора заниматься гимнастикой. Но даже сидя на шпагате или стоя на голове, Таисия Егоровна продолжала заниматься делом: подписывать контракты, беседовать по телефону, с посетителями и одновременно с Петровым.

– Вы не можете себе представить, сколько у меня дел!.. Встретиться с Микулой Селяновичем, задать работникам

задание, порешать очередной кроссворд. Вы любите кроссворды? Это так стимулирует работу мозга. Некоторые считают кроссворды безделицей, я же возвела их в принцип. В Америке уже давно без решения кроссвордов не обходится ни одно мероприятие. Кстати, вы были в Америке? О, это чудо! Дома, дома, дома...

После гимнастики Таисия Егоровна провела остаток дня в медитации. А следующие сутки она начала с гадания на рунах. Ей выпала руна «Курение сигар», и она тот час же отослала уборщицу Зину в соседний ларек.

Выйдя в коридор, Петрову услышал за дверью, Таисия Егоровна говорит юристу Безнадежному:

– Знаешь, мне вчера приснился Петров. В нем было что-то нечеловеческое. Ох, и не нравится он мне.

– Надо от него как можно быстрее избавиться, – прохрипел Хунхуз Перистазиевич.

– Ты юрист – вот тебе и задание.

«А Туган-Ядунова-то совсем не дура», – подумал Петров. В голосе Таисии Егоровны было столько злобы, что бывалому сыщику стало не по себе.

После работы, вечером Иван Сидорович Петров тайно посетил директора ООО «Инжир» Визажисского.

– Ну что? – тоненько протянул нетерпеливый Визажисский, – удалось ли узнать, чем занимаются в «Тремсе»?

– Вы не поверите, но снимаю такой огромный офис...

– Мне кажется, их офис все время становится больше.

– Что?! Вы заходили в комнату 310?

– Нет-нет! Успокойтесь, я просто мельком заглянул туда, не переступая порога.

– Запомните, господин Визажисский, ни под каким предлогом не входите туда, пока я все не выясню.

– Обещаю... Так что вам удалось узнать?

– Пока очень мало. Не понятно, зачем работники «Тремса» постоянно составляют какие-то списки. Постоянно сверяют тысячи фамилий, имен, названий фирм. Они их переписывают, исправляют и подают на утверждение директора.

– А кто у них главный, вы уже узнали?

– Да. Некая Таисия Егоровна Туган-Ядунова.

– Не может быть! Эта простушка-девочка в пионерском

галстуке? Я думал, она чья-то дочь.

– Будьте осторожны: Таисия Егоровна многолика...

Пропал Визажисский. Вот уже третий день, как он не появлялся в своем рабочем кабинете. Об этом Ивану Сидоровичу сообщил информатор, когда он был у самого порога комнаты 310. «Буду вот-вот», – было выведено по-детски корявым почерком на дверной записке.

Комната не заперта и пустыня. Иван Сидорович давно хотел узнать, куда ведут еще две двери внутри 310-й комнаты. Их Таисия Егоровна никогда не открывала. Сыщик деловито оглянулся и потянул за ручку. Как странно! – за дверью была старая шахта лифта, из которой тянуло гнилью и сыростью. Казалось, откуда-то из глубины слышались слабые стоны и причитания. «Это ветер... Конечно же, это ветер», – гнал прочь от себя дурные страхи Иван Сидорович.

На другой двери была вывеска:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Замок долго не поддавался. Потом дверь, будто сама с какой-то силой распахнулась. На сыщика со звоном и грохотом посыпались косы, цепи для привязывания скота, лопаты и прочий сельхозинвентарь.

Таисия Егоровна зашла бесшумно.

– Хотите чаю?

Иван Сидорович невольно вздрогнул, и по его спине побежали мурашки.

– Извините, что подкралась к вам вот так... Врач прописал мне носить пуанты. Мозоли, знаете ли...

Директриса открыла холодильник. Нет! Не может быть! Там на одной из полок лежала голова Визажисского.

– Позвольте-с, – с ловкостью тигра сыщик бросился к Таисии Егоровне, которая уже доставала из холодильника пачку масла.

– Да что с вами? – возмутилась Таисия Егоровна и с силой захлопнула дверцу. Когда же Иван Сидорович открыл ее во второй раз, там ничего не было кроме большого кочана капусты.

– Вы мне надоели, – не переставала хмуриться хозяйка комнаты 310. – Слышите, у меня нет времени на ваши неуклюжие выкрутасы. К тому же у меня сейчас съемки. Дела неужажнее, у фирмы: пришлось взять в аренду подвал и открыть там модельное агентство... Всего доброго.

Иван Сидорович, чуть шатаясь, спускался по лестнице. Что-то с ним произошло. Он был будто полутрезв. В голове его крутилось одно слово: тремс, тремс, тремс... Будто кто мокрой ладошкой шлепает по цементным ступенькам.

– Да это же Смерть, – слишком поздно осенило его. – Таисия Егоровна – Смерть? А почему бы и нет? Кто сказал, что Смерть умна? – она глупа и непредсказуема. Это покажется смешным, но Смерть арендует офис в центре города, не платит аренду и флиртует с начинающим фотографом. Она не стара, но и отнюдь не юна. Ей все сходит с рук, но кто переступает порог ее кабинета, бесследно исчезает. Хотя, может быть, все собранные мной факты всего лишь досужие совпадения.

Вдруг Иван Сидорович ощутил, что ему трудно дышать. Он схватился за горло и впервые в жизни почувствовал себя плохо. Ему показалось, дорога, по которой он шел, вдруг поднялась и ударила его по голове. Падая, он продолжал сжимать в руке визитку с надписью:

ФИРМА «ТРЕМС» ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ.

Ниже указывался телефон, позвонив по которому можно было услышать скрипучий голос с надуманным акцентом: «Алло! Таисья Икоровна у тилифона. Оставьте свой сообщенный постли сикналла»...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

Анатолий Ильяхов

АБРАКАДАБРА

Когда человек пишет слово, состоящее из совершенно случайных или неуместных в данном случае букв, говорят, что он написал абракадабру (лат. abracadabra, от греч. abrakos – обозначение божества + древнееврейское dabar – слово).

У древних греков существовало поверие, что таинственные слова, написанные в определенном порядке с выполнением специальных обрядов и произнесением священных молитв, могут помочь в излечении болезни или служить человеку «охранной» грамотой от возможных жизненных напастей. Это сейчас назвали бы «заговор» или, по меньшей мере, «каббалистическими знаками». Писалась абракадабра обычно в треугольнике, а особенно популярны были такие записи при излечении лихорадки, когда больному давали поносить на шее амулет в виде ладанки. Абракадабра в Грецию пришла из Вавилона и Передней Азии при соприкосновении с культурами совершенно иных цивилизаций, богатых на мистику, поэтому обряд исполнялся в совокупности с высшими таинствами, магией, вкпе с астрологическими знаниями, гаданием и народной медициной. Но абракадабру не отождествляли с чародейством, это произошло значительно позднее, с усилением влияния христианства на государственность. Тогда все, что относилось к магии, идентифицировалось с колдовством и беспощадно преследовалось.

Как правило, слово или текст, которые не должен был знать больной, носил смысл «искупительной» жертвы в отношении болезни или прочей беды, когда последние направлялись от человека по ложному следу. Слова писались жрецом на отрезке холстины или льна или же на хлебной корочке, прянике, бумаге, а больной, чтобы избавиться от напасти, должен был съесть их в известное время и с известными приемами. На русском языке это звучит примерно так: «азия, озия, елозия», или «пикус, пакус, лапакус» – это и есть абракадабра, записываемая в треугольнике. Лечение продолжалось столько дней, сколько букв было в слове; больному давали съесть корочку (или бумажку) с полным «заговоренным» словом, на другой день он съедал уже слово без начальной и конечной букв, и так продолжалось до тех пор, пока не оставалась конечная буква той абракадабры. Она тоже съедалась – и лечение заканчивалось. Как правило, успешно!

Помимо слов абракадабры применялась и другая талисманная формула, вроде: «сатор арепо тенет опера ротас». Формулу записывали на бумажке три раза с молитвой в квадрате по схеме: «сатор» – по верхней горизонтали и левой вертикали, потом опускались ниже на строчку и так же писали слово «репо», дальше по той же схеме, «ра» и, наконец, «с» оказывалось в правом нижнем углу.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель
Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.
Учредитель – КРО СП России.
Издатель: ИП «Кириллица»
ИНН 213208979906

Казачья песня

Казачи вы мои, казаки,
Мы корнями своими крепки!
Мы как пальцы державной руки,
Казачи.

Казачи вы мои удалыцы,
Мы в труде и в бою молодцы!
Не затуплены наши клинки,
Казачи.

А казачки пригожи собой,
Подарить можно сердце любой.
И любого разбудит от спячки
Казачка.

Говорит одна казачку: –
«Мы поедем с тобой за реку.
В чистом поле устроишь ты скачки
С казачкой».

Будут радовать нас казачата,
Гарны хлопцы и красны девчата,
И не будет казацкому роду
Переводу».

Казачи вы мои, казаки,
Мы корнями своими крепки!
Мы как пальцы державной руки,
Казачи.

**Цикало Ж.Е. Малиновые
россыпи. – Таганрог: изд-во
«Нюанс», 2009. – 178 с., ил.**

Четвёртый сборник стихов Жанны Евгеньевны Цикало издан в канун 215-летия восхождения Запорожских казаков на Кубанские земли, в том числе её родной станицы Медведовской. В него включены гимны, песни, лирические стихотворения, басни. Центральное место занимает поэма «По дорогам войны», написанная по фронтовому дневнику лейтенанта Игната Ивановича Ушмодина. Соблюдая точную хронологию дней и событий, описанных в дневнике, автор поэмы рассказывает читателям о дорогах войны, по которым прошёл лейтенант.

Вновь мечтаю, иду наугад
За малиновой далью рассвета.
Там моё соловьиное лето
И прощальной поры листопад.

Так же клонится к речке ветла,
Та же зыбь отраженью помеха.
Провожала далёкое эхо,
То, которым сама я была.

Продолжение вьётся тропой,
Чью-то молодость, счастье лелея.
Может тоже признаться не смея
В своих чувствах любви непростой.

Вновь мечтаю, иду наугад
За малиновой далью рассвета.
Тишь вокруг, никакого ответа,
Но зато есть дорога назад.

**Леликов Г.А. – «Переливы»
– сборник стихотворений –
Издательство литературного
фонда России «Донской
писатель» – Ростов-на-Дону
– 2009г – 112 стр.**

«Русский народ – самый рифмующий в мире. Не случайно у нас такой песенный и частушечный фольклор. Автор этого сборника стихов – большой

ПОЭЗИЯ

Пусть кто-то любит суету Арбата,
Им по Тверской пройти – нет выше дара,
А я навеки покорён когда-то
Уютным обликом окраин Краснодара.

Где по-старинному побеленные хаты,
Вдоль дворов фруктовые сады,
Тополя, как стройные солдаты,
В палисадниках роскошные цветы.

Там шаг один и ты уж в чистом поле,
В пшенице золотой по поясу.
«Какой простор! Какая воля!» –
Ликует в небе жаворонка голос.

Там каждый по прописке горожанин,
В душе станичник и казак лихой...
А впрочем, и москвич и парижанин
Не скажут, что их край плохой.

Живу в Москве, ценю красу Арбата
И ширь Тверской... без ошущенья дара.
Ведь я навеки покорён когда-то
Уютным обликом окраин Краснодара!

Из рожденья – в закат

Поезда, поезда...
За вокзалом вокзал...
«Мы в дороге всегда», –
Кто-то тихо сказал.

И качнулся в ответ
Нам плацкартный вагон: –
«Всем вам выдан билет
На один перегон».

Пусть с рожденья идёт,
Только разница в том, –
Кто-то раньше сойдёт,
Кто-то выйдет потом».

Перегон, перегон...
Время быстро летит!
Хорошо, что вагон
На пути не стоит,

Что колёса стучат,
Не скрипят тормоза
И вокруг не кричат: –
«Всё, давай, вылезай!»

Поскорей выходи,
Твой закончен маршрут!..
Время есть впереди,
Коль вагоны везут.

Если светит звезда,
Не погас небосклон,
Дарят пусть поезда
Нам большой перегон.

Только жаль, что билет
Без возврата назад:
От рожденья в рассвет
И с рассвета – в закат.

НОВЫЕ КНИГИ

любитель и собиратель фольклора, сам сочинил немало частушек и песен... – пишет Валерий Клебанов, поэт, лауреат литературной премии им. А.Невского.

Очень похвально, что Геннадий Алексеевич относится к своему творчеству очень серьёзно и адекватно, что и побудило его к более профессиональной работе над словом. Хочется пожелать ему на этом нелёгком пути дальнейших успехов».

Утро

Земля, проснувшись,
Причесала ивы,
Рассыпала по травам
Жемчуга.
И потекли
Пернатых переливы,
Очаровав
Опушки и луга.

Стада пошли
С мычаньем
К водопою:
Мир ожил,
Он ликует и звенит,
А солнышко,
Небесною тропой
Величественно
Входит в свой зенит

**Коваленко И. Струны души:
стихи и проза \ – Краснодар:
«Раритеты Кубани», 2009.
104 с.**

«Поэзии Ирины Коваленко присущ особый внутренний свет – свет доброты и тепла, освещающий мир её лирической героини». Людмила Зайцева, член Союза российских писателей. Ирина Михайловна Коваленко, врач-невролог: «Когда

видишь, в какое отчаянное положение может попасть человек вследствие болезни или жизненных обстоятельств, совершенно по-другому расцениваешь невероятное счастье – просто жить, ходить, любить. И дорожишь им особенно».

В твоих глазах бездонных незнакомка,
Печаль веков и света глубина.
Жизнь донесла до нынешних потомков
Прекрасный образ твой сквозь времена.

О чём мечтала ты? Застыл небрежно
Твой стиль в руке, готов ответить он
На восковой пластинке рифмой нежной
Тому, кто навсегда в тебя влюблён.

Хотелось знать бы: на пороге бездны
Успела стать ты матерью, женой
Или осталась навсегда невестой,
Трагически окончив путь земной?

Но как бы не сложилось, эталоном
Нетленной юной женской красоты
Далёких дней
на мир ракет и клонов
С остатков фрески грустно смотришь ты.

Главный редактор: С. Н. Макарова
Зам. главного редактора: В. И. Яковлев
Ответственный секретарь: В. А. Динека
Редколлегия:
В.А. Архипов, Л.Д. Бирюк, Н.Т. Василинина, А.В. Горбунов,
Н.Ф. Иванов (Москва), Н.А. Ивеншев, Б. И. Лукин (Москва),
Л.К. Мирошникова, В.Д. Нестеренко, Н.В. Переяслов
(Москва), А.Н. Пономарёв.
Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Г. Прокопенко

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
350000
г. Краснодар, ул. Коммунаров, 43
тел. 8-961-509-30-53,
тел. 262-09-11
E-mail: snmakarova@mail.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флёр-1»
г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
Заказ № 1098
Подписано в печать
в 10.00, 25.02.10 г.
Тираж: 1000 экземпляров
Цена свободная